

Знаменитый голливудский продюсер Селзник давал прием в честь молодой шведской актрисы Ингрид Бергман. А киношный бомонд в баре обсуждал его новое приобретение — "большую шведскую корову" (здесь и далее цитаты из книги И. Бергман и А. Берджес "Моя жизнь"). Что будет делать здесь эта шведка? Кого она может играть с ее-то габаритами?

Ингрид, не предполагая, какие разговоры вызвало ее появление, чувствовала себя совершенно счастливой. И мечтать не могла, что когда-нибудь вот так, живьем, увидит тех, кого видела только в кино: Кларк Гейбл, Гери Купер, Кери Грант...

А между тем, наступало ее время. С 1941 по 1945 год она снимается в 11 фильмах, получит два "Оскара" и, вопреки всему, станет "первой леди Голливуда, лучезарной Ингрид". Тот же Кери Грант (секс-символ, как сказали бы о нем сегодня) позже заметит, что следовало бы учредить специальную премию для И. Бергман, независимо от того, снимается она или нет.

Она вызвала восхищение даже у своих коллег-актрис. "Это чудо, — говорила о ней Лив Ульман, — свежий ветер... В ней столько радости, веселья и постоянная готовность к празднику..." Ингрид принадлежит к тем женщинам, кого мужчины не боятся, потому что от нее исходит тепло, — утверждала Голди Хон.

Несмотря на то, что ее параметры совершенно не соответствовали голливудским стандартам, она обладала особой грацией. А над своим ростом и сама всегда подтрунивала, придумав, как сниматься, чтобы не было видно, что она выше своих партнеров-мужчин. И когда они подходили к ней в кадре, она садилась или наклоняла к ним голову.

В доме Селзника, куда она приехала, ее встретила его жена Айрин и очень удивилась, узнав, что весь багаж Ингрид помещается в одном чемодане. Где же туалеты? Странная шведка объяснила, что приехала работать, а для воскресений захватила купальник и пару брюк. Гримом же вообще не пользуется...

Встреча с Селзником была не менее неожиданной. Увидев ее, он воскликнул: "Господи, снимите же туфли". "Это не поможет", — ответила актриса, — я ношу обувь без каблуков". Селзник был обескуражен. Потом объявил, что надо взять более звучный псевдоним, что-то сделать с густыми бровями, да и с зубами тоже... И тут молодая актриса проявила вдруг неожиданную твердость и заявила, что в таком случае предпочитает вообще не сниматься и следующим поездом возвращается домой. А ведь ей было всего 23 года. Она была спокойна, лучезарна и тверда. И тут Селзника осенило: "Ты будешь первой естественной актрисой. И добавил, обращаясь к гримерам: "Ни один волос на ее голове нельзя трогать!"

Ингрид отстояла себя. Впервые на экранах Голливуда появилась актриса, поразившая всех такой искренностью и естественностью. Чистая, бесхитростная, с нежным румянцем и редкостным простодушием.

Когда ей исполнился 21 год, будущий муж прислал ей в подарок горжетку из черной лисы. В те годы модно было носить их, обернув вокруг шеи. Бросившись к телефону, чтобы поблагодарить любимого, Ингрид поскользнулась и растянула ногу. Боль была ужасной. Но и в больницу она захватила с собой этот мех и очень удивила вошедшего в палату врача — дама в постели в ночной рубашке с пушистой горжеткой на шее. Это была первая роскошная вещь в ее жизни. Потом она относилась к одежде вполне равнодушно: свитер, брюки, мужская рубашка и купальник казались ей вполне достаточным гардеробом.

Селзник был поражен, узнав, что у нее нет норковой шубы, обязательного атрибута голливудского бомонда. Он заставил ее купить манто, хотя ей казалось, что калифорнийский климат этого вовсе не требу-

ет. Ставление о кинематографе. Она впервые прочла его имя на афише, и ей страстно захотелось увидеть этого человека. Ингрид послала ему восторженное письмо и предложила свое сотрудничество...

В конце концов они решили встретиться, чтобы обговорить возможность совместной работы. Первая встреча состоялась в Париже, куда она приехала вместе с мужем. Они долго говорили, и ей сразу стало ясно, что она безумно влюбле-

Ингрид снялась в нескольких фильмах Росселини. Но сочетание его (точнее, итальянского неореализма) стилистики и голливудской кинозвезды не было плодотворным. Фильмы не имели успеха. Ей очень хотелось сниматься у других итальянских режиссеров. Лучшие из них делали ей предложения. Но Росселини был очень ревнив и сниматься у других просто запрещал. Даже после развода. Они прожили вместе семь с поло-

пойдем пить чай. Так почему вы не играли в моей пьесе?

— Я не играла в вашей пьесе, потому что она мне не нравится.

Шоу остановился. "Мне показалось, — вспоминала актриса, — он обдумывал, не выставить ли меня за ворота. Я почувствовала, что никто в мире не говорил мистеру Шоу, что ему не нравится его "Святая Анна". Мы медленно продвигались к дверям, и я подумала. "Он так взбешен, что мы никогда не попа-

ЧИСТАЯ, КАК СВЕЖИЙ ШВЕДСКИЙ СНЕГ

**ИНГРИД БЕРГМАН
БЫЛА ПЕРВОЙ
ГОЛЛИВУДСКОЙ ЗВЕЗДОЙ,
ОБХОДИВШЕЙСЯ БЕЗ ГРИМА
И НОРКОВОЙ ШУБЫ**

на, а он сразу сказал те самые слова, которые всегда ждет женщина: "Пойдем со мной".

Голливудская звезда, обожаемая всеми "лучезарная Ингрид" бросила мужа, дочь и уехала в Италию, чтобы сниматься у итальянца Росселини. Самое страшное, что она просила у мужа развода, ради "какого-то итальянца". Этого

виной лет. Но эти годы не были легкими. Когда Ингрид узнала, что муж оставляет ее, она испытала облегчение. Она никого не обидела, не оскорбила, и она была свободна.

Оставшись одна, со всеми своими четырьмя детьми, Ингрид опять кинулась в работу. И снова ее ждал огромный сценический успех и возвращение в кино.

Ее третьим мужем был крупный европейский театральный продюсер Ларс Шмидт. Она умела любить. Она умела дружить. С Росселини и Ларсом она до конца дней поддерживала дружеские отношения. Когда ее старшая дочь рожала в Америке своего первого ребенка, у ее постели были мать и два отчима — Роберто и Ларс. А когда Ларс женился на другой женщине, то первый человек, которому он позвонил, чтобы сообщить, что стал отцом, была Ингрид Бергман...

В 1960 году на съемках фильма "Любите ли вы Брамса?" Ингрид работала с двумя блистательными актерами — Ивом Монтаном и Энтони Перкинсом. Она по-прежнему была застенчива и часто краснела. По роли она должна была целоваться с Перкинсом. "Однажды, — вспоминает Бергман, — я пригласила его в артистическую уборную и попросила: "Ради бога, поцелуйте меня. Он сделал это дважды, а потом улыбнулся и спросил: "А для чего это?" Я ответила: "Нам это придется делать позднее в фильме, а я вас не знаю. Поэтому ужасно стесняюсь и краснею. Будет гораздо лучше, если первую репетицию мы проведем здесь. Тогда я не буду с ужасом ждать момента, когда мне придется это делать в присутствии всей съемочной группы..."

Всю жизнь она мечтала сыграть роль Жанны Д'Арк. Это была Мечта. В 1946 году она сыграла ее на сцене, потом в кино. Успех был колоссальным. Хемингуэй назвал ее "величайшей актрисой в мире". Ремарк сказал, что, увидев Жанну на экране, никогда не сможет "прогнать из своего воображения ее лицо". Сам режиссер фильма Виктор Флеминг был безнадзорно влюблен в нее. А великий драматург Бернард Шоу сокрушался, почему эта шведка не выбрала в качестве драматургического материала его пьесу о Жанне?

Шоу пригласил ее в гости. Когда машина подъехала к воротам, 92-летний драматург, еще не впуская гостью, спросил:

— Почему вы не играли в моей пьесе?

— Здравствуй, мистер Шоу. Могу я вначале войти?

— Конечно, вы можете войти. Мы

ет. Вскоре манто было продано. Через 10 лет тот же вопрос задал ей великий режиссер Роберт Росселини и на Рождество подарил Ингрид норковую шубу. Эту шубу она носила — прежде всего потому, что ее подарил человек, которого она очень любила. "Эта шуба жива у меня до сих пор, — писала она в своей книге, — главное, я сумела использовать ее по назначению. Подшила под плащ. Получился теплый прекрасный плащ на норковом меху. Может быть, моим дочерям когда-нибудь он понравится".

В 1941 г. в Америке возник культ Ингрид Бергман. Пресса ее превозносила. "Чистая, как свежий шведский снег, наивная, как сельская девушка в день первого причастия, не имея ни малейшего представления о том, как этого добиваются, эта 24-летняя стокгольмская матрона стала уникальным явлением Голливуда".

Работа давала ей счастье. Она любила тех, с кем снималась вместе. С Гари Купером они были партнерами по фильму "По ком звонит колокол". Потом она писала: "На съемочной площадке я ликовала. Какое чудо! Я работаю с Гари Купером... Плохо только, что мое радостное состояние заметно на экране. Видимо, я была слишком счастлива, чтобы правдиво сыграть трагический образ Марии".

Люди, с которыми она работала, чаще всего становились друзьями на всю жизнь. Ее легкость, естественность, солнечность пленяли. Она притягивала к себе людей. Дружила с Хемингуэем, Ремарком, Хичкоком, Грегори Пеком...

Трижды была замужем. Второй муж — Роберто Росселини стал ее великой любовью, изменившей всю жизнь. Она влюбилась в него заочно, посмотрев фильм "Рим — открытый город". Мощь, неожиданность его таланта перевернули ее пред-

ей простить не могли. Пресса набросилась на нее с той же страстью, с какой еще вчера ее обоже- ствляла. За 4 месяца она потеряла статус "первой леди Голливуда" и стала символом безнравственности и порока. Она глубоко страдала, плакала. Муж и Роберто бились за нее, "как два чудовища".

Но были и прекрасные дивные часы счастья. "Несмотря на то, что меня постоянно мучила моя пури- танская совесть, с ним я обрела тот мир, что был для меня лучшим из всех возможных... Я испытывала столь бесконечное счастье, сколь и глубокие мучения"... — вспоминала потом актриса.

Когда выяснилось, что она ждет ребенка, травля, обвинения в безнравственности стали непереносимы. Поддерживали друзья. Позвонил Хемингуэй и сказал: "В чем дело? Америка просто сошла с ума. Скандал из-за ребенка. Смех! Надеюсь, у тебя будут близнецы. Я стану их крестным отцом и обещаю понести их в собор Святого Петра по одному на каждой руке. Ну а теперь, что я могу для тебя сделать?" Ингрид попросила написать об этом в газетах. Она надеялась, что его авторитет поможет. И вот в одной из газет под фотографией писателя появились его слова: "Что за бред? Она собирается родить ребенка. Ну и что? Женщины всегда рожают детей. Я счастлив и горд за нее. Она любит Росселини. Он любит ее, и они хотели ребенка. Мы должны радоваться вместе с ней, а не осуждать ее".

Она родила сына, которого назвали Роберто, как отца, а потом двух дочерей-близнецов, Ингрид и Изабеллу. Изабелла стала известной голливудской актрисой и моделью. Несколько лет была лицом фирмы "Ланком", и мы видели ее портреты в витринах фирменных магазинов.

дем в дом, не говоря уж о чаепитии". Но Шоу начал смеяться и смеялся даже за чаем. Потом он сказал: "Никто в мире не осмелился бы сказать мне подобную вещь. А вот вы, малышка из Голливуда... Кстати, как ваше имя? Мне сказали, что вы великая актриса, не хотите играть мою "Жанну"... Они долго сидели, говорили о Жанне, и когда пришло время прощаться, Шоу спросил, придет ли она с ним повидаться? Ингрид ответила:

— С большим удовольствием. На следующей неделе прибывает мой муж. Он посмотрел на меня своими маленькими искрящимися юмором и задором глазками и сказал: "Меня нисколько не интересует встреча с вашим мужем. Я хочу увидеться с вами".

Со своим однофамильцем шведским режиссером Ингмаром Бергманом они виделись редко. Но взаимная симпатия установилась сразу. Ингрид мечтала у него сняться. Однажды он позвонил, сказал, что собирается снимать новый фильм — "Осеннюю сонату" о взаимоотношениях матери и дочери. Он был деликатен и спросил, не шокирует ли ее, что дочь будет играть Лив Ульман, которая не на много моложе ее?

— Совсем нет, — ответила она, — у меня дочь приблизительно такого же возраста.

— Но фильм на шведском языке. (Ингрид уже много лет играла на английском).

— Ну и прекрасно...

Режиссер встретил ее в аэропорту, и уже в машине она стала высказывать свои замечания по сценарию. Он был шокирован. При такой категоричности ему трудно будет с ней работать. Но вдруг Ингрид сказала: "Мне нужно тебя предупредить прежде, чем мы начнем работать, — я всегда сначала говорю, а потом думаю". Эта ее искренность и открытость подкупили сразу. Они стали большими друзьями.

Лив Ульман, снявшаяся у Бергмана уже в 12 фильмах, очень ждала встречи с Ингрид. Ее жизнь тоже была непростой. Она перенесла тяжелую драму, родив ребенка от Бергмана. Консервативная Швеция отнеслась к этому враждебно, и Лив несколько лет не могла крестить ребенка. Она была уверена, что с Ингрид они поймут друг друга.

"Осенняя соната" — это фильм о любви как единственном смысле жизни. Работа шла трудно, потому что Ингрид должна была все понять, согласиться с автором и режиссером. Возникли бесконечные споры. Но иначе она не могла. Она была негибкая, когда боролась за свою правоту. А результат был прекрасен. В ней жила неутомимая страсть к игре. Это было как наркомания. Она получала радость от своего исполнения. "Я считаю этот эпизод одним из лучших во всей моей режиссерской жизни", — говорил потом Ингмар Бергман. Критика называла фильм "первоклассным, безупречным, достигающим совершенства. Власть игры, которая не дает перевести дыхание". За этот фильм она и Лив Ульман удостоились приза нью-йоркской критики и самой престижной итальянской премии "Донателло".

Последние годы своей жизни Ингрид тяжело болела, но продолжала работать в театре. Она умерла в конце лета 1982 года, ей было не так уж много — 67 лет.

Галина БОРИСОВА.